
ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И УЗУС

LEXICAL SEMANTICS AND USAGE

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 7–15.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(8(490):7-15.

Научная статья

УДК 81'371

doi: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-7-15

ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Гадель Камирович Валеев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, vgadel@gmail.com

Аннотация. Традиционно, анализируя лексико-семантическое содержание слова, внимание акцентируют на сигнификативной и денотативной его составляющей. Это закономерно, так как если сигнификат — квинтэссенция лексического значения слова, то денотат — типичный облик референта, облик всех сущностей называемого конкретного слова. В статье десемантизация сигнификативной и денотативной компоненты рассматривается не столько как распад, перерождение исходной лексемы, а как зарождение новой словарной единицы, соответственно метафорического деривата и омонима. Точно также любое изменение означающего (звучащего или графического знака) приводит к образованию синонимов из значений полисемантического слова. Доказывается, что десемантизация, являясь неотъемлемой частью процесса семантизации лексического значения слова, включает в себя и её демотивацию и деэтимологизацию. Прагматика, субъективное отношение говорящего к адресату, факту высказывания приводит наряду с разрушением старого лексического значения слова вплоть до превращения слов в дейктики и дискурсивные слова к зарождению новых словарных единиц на основе генерализации и специализации значений исходного слова. В статье аргументированно обосновывается, как новая прагматическая коннотация слова, возникшая на основе разных семантических ассоциаций, подменяет и вытесняет исходное значение слова особенно в диахроническом плане.

Ключевые слова: лексическое значение слова, означающее, денотат, сигнификат, прагматика слова, семантизация, десемантизация значения слова.

Для цитирования: Валеев Г. К. Десемантизация значения слова // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 7–15. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-7-15.

Original article

DESEMANTICATION OF WORD MEANING

Gadel K. Valeev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, vgadel@gmail.com

Abstract. Traditionally, analyzing the lexical and semantic content of a word, attention is focused on its significant and denotative components. This is natural, since if the signifier is the quintessence of the lexical meaning of a word, then the denotation is the typical appearance of the referent, the appearance of all the entities of the so-called specific word. In the article, the desemanization of the significant and denotative components is considered not so much as the disintegration of the original lexeme, but as an emergence of a new vocabulary unit, a metaphorical derivative and a homonym. Similarly, any changes in the signifier (sounding or graphic sign) leads to the formation of synonyms of the meanings of a polysematic word. It is proved that desemanization, being an integral part of the process of semanticizing the lexical meaning of a word, includes its demotivation and de-etymologization. Pragmatics, the speaker's subjective attitude to the addressee and the fact of an utterance may result in the destruction of the old lexical meaning of a word, even its transformation into a deictive or a discursive word, but ultimately — to the emergence of a new vocabulary unit based on generalization or specialization. The article substantiates how the new pragmatic connotation of the word, which arises on the basis of various semantic associations, replaces and displaces its original meaning, especially in the diachronic plane.

© Валеев Г. К., 2024

Keywords: lexical meaning of the word, meaning, denotation, signification, pragmatics of the word, semantization, desemantization of the meaning of the word

For citation: Valeev GK. Desemantization of word meaning. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(8(490): 7-15. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-7-15.

Введение

Первичное традиционное понимание семантики связано со смысловым содержанием основной лексической единицы — словом, хотя современная лингвистическая семантика далеко шагнула за пределы слова. Рассматривается семантика предложения и высказывания, в которой основной проблемой считается проблема композиционности, то есть выводимости их значения из значений составляющих слов. Далее значения языковых единиц, в том числе и слова, признаются принадлежащими сознанию человека, ментальной сущности. Они, значения языковых единиц, при этом как ментальный феномен участвуют в когниции, познании мира.

Оставаясь в рамках традиционного восприятия лексического значения слова, апеллируем к «семантическому треугольнику», состоящему из: 1) означающего знака (зрительного, тактильного, фонетического слова); 2) объекта, явления действительности (референта или денотата); 3) означаемого понятия (смысла, сигнификата). В парадигматике семантические отношения можно представить как оппозитивные: синонимические, антонимические, полисемические, омонимические, гипонимические, лексико-семантические группы (ЛСГ) и как наиболее общая группа — лексико-семантические поля.

Десемантизация, исходя из термина, означает полную или частичную утрату лексического, «словарного» значения исходного слова. К этому, судя только по префиксу *де-*, нельзя относиться, как к какому-то негативному явлению в языке. Это просто одна из форм диалектического развития и обогащения языка, строго говоря, часть жиз-

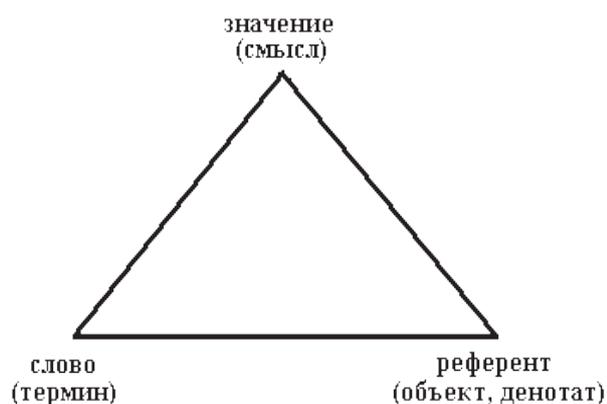


Рис. 1
Fig. 1

ни языка. Как слова зарождаются из звуков, междометий, дейктиков, указательных слов, давших в том числе все местоимения, включая личные, обретших смысл, самостоятельную семантику и проходят семантизацию, так и, наоборот, знаменательные слова, состоящие, в первую очередь, из корневой морфемы с развитием языка, отягощённые полисемантическим бременем из полужнаменательного состояния (суффиксоидов, префиксоидов, «полуфлексий») переходят в служебные части речи, то есть, грамматикализируются.

Семантизация сегментных и суперсегментных (просодических) единиц языка

Более того, естественный язык способен передавать бессознательные языковые установки не только словами, но и межсловными промежутками, что замечено в поговорке «слово — серебро, молчание — золото». По остроумному замечанию Клода Дебюсси, «музыка — это промежуток между нотами». Как из «неведомого гула посреди тишины» возникают звуки, слова и текст описывал Р. Рождественский. Рождение произведения мастерски передала А. Ахматова в стихотворении «Творчество»:

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шёпотов и звонов
Встает один, всё победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растёт трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь
(курсив мой — Г. В.).

Проследим семантизацию, например, указательных слов, начинающихся частыми в индоевропейских языках глухими *p, t, k*: *кь-то*, с фонетическим вариантом *чь-то*. Склонение местоимений *к-ого, к-ому, ч-его, ч-ему* сразу выдаёт,

что корневая часть состоит из одной фонемы, а в начальной форме *кѣто* другое местоимение *тъ* в форме среднего рода выполняет роль частицы. Таким приёмом сложения образовались все местоимения: *въ-сь, въ-ся-къ-и; инъ-и*, которые затем могли осложняться частицами: *каждый* (местоимение *къ* + частица *жьдо*: Им. *къжьдо*, Род. *когождо*, Дат. *кому-ждо* и т. д.) [7, с. 256–262]; древнейшими суффиксами: *къ-тъ-ръ-и* (*р* — универсальный суффикс, присутствующий сейчас в корнях слов разных частей речи: *пи-ръ, жи-ръ* от *пити, жити*; *хит-ръ-и* «ловкий» от *хыт-и-ти, доб-ръ-и*, ср.: *у-доб-нъ-и, с-доб-нъ-и, доб-лесть*); междометиями: *этот* < *э-тъ-тъ*.

Во всех тюркских языках аффикс множественного числа *-лар//ләр* образовался в результате соединения двух древних показателей семантической множественности *-л-, -р-* [18, с. 88, 91]. Как признают исследователи, «почти все согласные тюркских языков оказываются реликтовыми показателями множественного числа» [24, с. 84; 19, с. 10]. Ряд учёных считает, что до присоединения *-р* для обозначения множественности свой вклад вносят и гласные *-а-/-э* [2, с. 22–23]. Так с ослаблением парности, собирательности, обозначаемой разными согласными и гласными, складывается дискретное множественное число, имеющее уже *грамматическое* значение.

Древнейшая звукоподражательная теория и звукосимволизм, как показали уже исследования 2-й половины XX в., «дали новые веские доказательства в пользу того, что они играли наряду с жестом важнейшую роль в возникновении языка» [6, с. 165–166] в образовании новых слов уже не с грамматическим, а с лексическим значением. Поэтому интенсивно изучаются не только междометные слова такие как: *хлоп, треск, шлёп, гал-гал, мур-мур, кря-кря, кол-кол, пр-пр* и производные от них: *хлопать, трещать, галдеть, мурлыкать, крякать; хлопóк, шлёпанцы, кряква, глагол, мурка, трескотня, колокол, прапор* (знамя), *прапорщик*, но и подражательные слова, отгонные и подзывные слова, мимемы-имитативы и дериваты от них (*бар-бар-бар* > *баран* [23, с. 17], *кис-кис* > *киска*, баш. диал. *həy-həy* > *həykəsh* «корова» в м. лит. *hыйыр*). Ранее только при этимологическом анализе слова, и то не всегда, писали, например, о звуке *о* как о междометии, произносимом при сильных эмоциях, при скорби, с удивлением [25, с. 70].

С рождением нового направления в языкознании — *фоносемантики*, синестезийные межчувственные ощущения стали изучать не только как

троп метафорического типа в литературоведческом анализе, но и в языкознании. Буква и звук *о*, по шкале профессора А. П. Журавлева, например, имеет подсознательное значение: «большая эмоциональность, таинственные волнения». Поэтому ранее изредка встречавшееся почти криминальные утверждения, что звук *о*, это «нечто круглое, огубленное, отверстие» сейчас воспринимаются как фоносимволизм — *боб, поп; око, окно, окунь* (большеглазый), *очень*. Г. Е. Корнилов называет «звук речи, символизирующий какое-либо свойство живой или неживой природы», *идеофоном*. Так идеофон *К-* у него символизирует «внезапность», *П-* // *Ph-* «дуновение». Хотя книга проф. Г. Е. Корнилова называется «Имитативы в чувашском языке», он рассматривает большое число имитативов на широком ностратическом фоне [11].

В своей знаменитой книге «Первобытная культура» Э.-Б. Тайлор писал: «...так что рядом с мифическими идеями, в которых речь следовала за воображением, *есть и такие, в которых речь шла впереди, а воображение следовало по проложенному ею пути*» [21, с. 214]. Произнесённое слово считалось тотемом. «В связи с этим становится понятным смысл буквенной и словесной магии, стремление «засекретить» имена тех предметов, которые нужно «обезопасить» от враждебного воздействия (явление табу)» [21, с. 20]. Магическое восприятие корневого слова, состоящего подчас из одной фонемы, иррадируя парадигматические, синтагматические отношения, синестезийные ассоциации, позволяет создавать обширные сигнификативные поля, подчас с очень трудно уловимыми диахроническими и понятийными связями с корневой семьей. Так возникают некие разновидности идеографических словарей нового времени. Таковы в принципе словари М. М. Маковского [13; 14], А. Г. Шайхулова [15], Т. М. Гарипова [8] и др.

Десемантизация компонентов (всех составляющих) значения слова

Схематично показав возможность лексикализации звуковых комплексов любого происхождения, начиная с самого минимального — звука, вернёмся к заявленному обратному процессу, десемантизации знаменательного слова. Конечно, при десемантизации, в первую очередь идёт речь о сигнификативном поле слова, понятийном компоненте вещи, явлении, сложившимся в познавательной деятельности человека. Так как лексическое значение слова формируется и разрушается веками, то проблемы утраты смысловых связей с производящей основой в результате звуковых

изменений, непродуктивности старых аффиксов традиционно решали в плане этимологизации и *деэтимологизации*. Сейчас, обосновываясь на положении Ф. де Соссюра о мотивированных и немотивированных словах, выделилась отдельная лингвистическая дисциплина мотивологии [22; 3], соответственно **затемнение и утрата внутренней формы слова** рассматривается как *демотивация*. Не останавливаясь на анализе этих дефиниций, сошлемся на мнение И. А. Кунгушевой, «на синхронном уровне *демотивация* взаимодействует с явлением *деэтимологизации*, находясь с ним в отношении **включения**; с явлениями *лексикализации внутренней формы слова* явление мотивации создаёт в такой позиции отношения **исключения**. В диахронии демотивация *связана со* многими фонетическими, морфологическими и **семантическими процессами**» [12]. Таким образом, десемантизация как неотъемлемая часть процесса семантизации включает в себя и демотивацию и деэтимологизацию.

Схема семантического треугольника изображает идеально простой вариант: одному фонетическому слову соответствует один денотат с одним значением. Это обычно термин, например, в филологии — *хорей*, *гипонимия*, *имперфект*; токарные инструменты — *фреза*, *кернер*, *штангенциркуль*; в медицине — *троакар*, *бурсит*, *тримектал*. Однако каждый угол треугольника может иметь свои вариации. Обычно фонетическое слово берут как константу и никаких вариантов к нему не рассматривают. Но и здесь возможны варианты при сохранении сигнификативного значения: *ноль* — *нуль*, *матрас* — *матрац*; *декан* — *дэкан*, *агрессия* — *агрэссия*; *фенОмен* — *феноМен*; *дискуРС* — *дИскурс*, *слиВовый* — *сливОвый*. Если различаются суффиксы или приставки, то варианты усложняются: *помыть* — *вымыть* — *умыть*; *машет* — *махают*. Язык не терпит слов без смысла и стремится перевести их из вариантов в контекстуальный речевой или языковой синонимический ряд: *нуль* — в математике, а *ноль* — в других случаях; *матрас* — современное употребление, а *матрац* — устарелое; *фенОмен* — научный термин, а *феноМен* — уникальный человек; *слиВовый* — из сливы, а *сливОвый* — цвета сливы; *помыть* — закончить мыть, а *вымыть* — тщательно или большое число объектов, *умыть* — по отношению к телу. Хотя *махаю*, *махают* узус, обычай считает разговорным вариантом к *машу*, *машет*, но большинство словарей признают их равноправие, а студенты часто *махают* (оборот крыльев ветряных мельниц) признают полисе-

мией, новым значением слова *махать*. Академик Ю. С. Степанов часто **пределом вариаций фонетического слова считает синоним** [20, с. 14], так как большинство синонимов однокорневые слова, различающиеся только суффиксами и приставками: *маленький* — *малюсенький*, *малехонький*, *малосущественный*, *маленький-маленький*; либо корни, окружённые одинаковыми аффиксами: *преднамеренный*, *предначертанный*, *предопределенный*, *предназначенный*, *предписанный*, *предположенный*, *предпосланный*, *предпочтительный*, *предрасположенный*, *предуготовленный*, *предусмотренный*.

Ю. С. Степанов как теоретик и семиотик **пределом вариаций денотата считает метафору в широком понимании** [см.: 20, с. 18], включая сюда и метонимию, синекдоху и пр. Проверим данное утверждение на примерах из студенческого сленга: *провалиться на экзамене*; *французы*, *немцы* (студенты лингвистического факультета), *окно* (в расписании), *по мигалке* (занятия по чётной и нечётной неделям), *шпора* (шпартгалка), *учиться в кульке* (в Челябинской академии культуры и искусства), *встретимся у Лысого* (в Челябинске в сквере у памятника С. Цвиллингу), *ты что, из Талапкера?* (деревенщина, не догоняешь — снова сленговое значение *не понимаешь*). Подслушано у студентов Костанайского филиала ЧелГУ. Талапкер — несколько сел в отдалённых районах Костанайской области). Мы здесь имеем метафорические переносы по функции, по смежности, по форме, созвучию, времени, месту и т. д. **Считать ли метафоры по денотату примером десемантизации слова? Конечно, да.** Здесь звуковая оболочка сохраняется, но слово уже применяется по отношению к другому явлению действительности. Связь между исходным денотатом и его метафорой опосредована: *встретимся у Лысого* — названа: 1) локация (место); 2) объект, а не пространство (мог быть лысый холм, гора); 3) тип объекта (памятник); 4) атрибуция (на постаменте массивная голова революционера С. Цвиллинга с короткой стрижкой (рис. 1).



Рис. 1. Памятник С. М. Цвиллингу. Фото автора статьи
Fig. 1. Monument S. M. Zwilling. Photo of the author of the article

В ряде случаев удачная метафора «закрывает» внутриязыковую лакуну, в наших примерах это *окно* (в расписании), *мигалка* (чередование занятий по неделям).

Фонетическое слово как знак и значение не совпадают друг с другом. С. О. Карцевский писал, что значение «стремится выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак», а знак «стремится обладать иными функциями, нежели его собственная» [9, с. 85]. Поэтому слово находится на перекрестке многозначности (полисемии) и синонимии. По А. А. Потебне, имеются ближайшие и дальнейшие значения слова, с ближайшим значением слова имеет дело языкознание, а с дальнейшим — другие науки [17, с. 19]. Слово *страна* ближайшим значением имеет «место проживания, родина». Развитие дальнейшего значения слова — «местность с особыми условиями, со своим населением» и так далее может стать его однокорневым омонимом, то есть, как заметил Ю. С. Степанов, «**вариации значения (сигнификата) имеют пределом омоним, термин**» [20, с. 15].

Если семантика слова развивается за счёт смены денотатов через метафоры и постоянного расширения содержания сигнификата (понятия), то, соответственно **причина десемантизации**, полной или частичной редукции смысла — «сокращение и утрата исходного опорного слова, изменения в звуковой оболочке опорного слова, резкая стилистическая или экспрессивная дифференциация слов, связанных по словопроизводству» [22, с. 134–135].

Полное опустошение сигнификативного ядра превращает слово в пустой звукоряд, который может иметь широкий диапазон употребления в качестве коммуникативных средств для поддержания разговора (*да, нет, ладно, хорошо*), этикетных формул (*привет, салют, до свидания*), дискурсивных слов для поддержания речи (*значит, так сказать, то есть; ну вот, знаете; это самое*) и т. д.

Частое употребление в повседневной жизни ряда слов приводит к редукции их значений и звуковой оболочки: исторические (*молвил — мол, спаси Бог — спасибо, государь — сударь — (извольте)-сь, видишь — вишь — ишь, чути — чу!*), современные (*кажется — кажись, сейчас — щас, щас прям, говорит — гыт, вообще — воще, жизнь — жысь*) и т. д.

Служебные слова, модальные слова и наречия почти полностью состоят из семантически опустошённых лексем: предлоги (*ради, навстрече*

чу, благодаря, вследствие, несмотря на, спустя, напротив, в продолжение, в течение), частицы (*ведь, подлинно, именно, точь-в-точь, почти, приблизительно, ровно*), союзы (*в силу того что, покамест, несмотря на то что, пускай, даром что, чуть*), модальные слова (*должно быть, авось, точно, знать, может быть, неужели*), наречия (*слишком, стрелой, дома, накануне, на ходу, в придачу, навынос, на ощупь, вполоборота, воистину воскресе*) и т. д.

Нужно признать, что полная утрата семантики слова наблюдается не столь часто. Слова, выходя из одного словообразовательного гнезда, становятся членами другого гнезда, из производных слов становятся непроизводными.

Вернемся к десемантизированным знаменательным словам. Переход в другое денотативное или сигнификативное поле обычно в лексикологии рассматривают как семантизацию слова, а не как утрату его прежнего референта или сигнификата. Например, о резкой, почти диаметрально противоположной дифференциации слов В. В. Виноградов пишет так: «Имена прилагательные с отрицанием, т. е. отрицательного значения, часто получают более яркий и острый экспрессивный смысл, чем соответствующие слова без отрицания. Поэтому они иногда по своему значению отрываются и отдаляются от тех слов, от которых были произведены. Например, *небывалый* (сравните *бывалый*) *неважный* (в значении плохой: *неважное здоровье*), *недалекий* (сравните *недалекий человек*), *недурной, неистовый* <...> и т. п.» [5, с. 186]. *Небывалый*. Помимо приобретения экспрессивной коннотации слово с префиксом отрицания выходит из синонимического ряда с денотатом *опытный* (*бывалый, искушённый, матерый, тёртый, многоопытный*) и переходит в ряд беспримерный (невиданный, неслышанный, *беспрецедентный, фантастический* — *небывалый*).

Рассмотрим изменения лексического значения слова, имеющие отношение к десемантизации.

Сужение значения слова. Оно происходит во многих общепотребительных словах. *Кормить* «давать *корм* животным и человеку», но производное *корм* сузило свое значение: это «еда для животных и птиц», а еда для человека называется *пища*» [4, с. 72]. *Орудие* сейчас обозначает «артиллерийское орудие», раньше «любое техническое приспособление, крупный инструмент»; *струна* раньше обозначало и струну, и волос, *наказание* раньше обозначало ещё «наставление, поучение». *Платье* — любая одежда поверх белья (гражданское, военное платье), сейчас «женская одежда».

Писать — этимологи связывают лексему с глагольным корнем *пестрить* «мазать, красить», в слове *писать* уже сузилось значение. Если взять профессиональное употребление, происходит дальнейшее сужение значения слова, **специализация**: *писать*, *писатель* «сочинять, творить; «умеющий создавать, творить», а умеющий просто писать — *писец*, *писарь*, *писака*. *Голос* — общепотребительное слово и *голос* в музыке (романс для двух голосов), *голос* — право на своё мнение (голоса избирателей). *Пиво* «любая жидкость для питья», *квас* «кислый напиток» приобрели в современном русском языке специализированное значение

То, что значение русского слова сузилось, сейчас можно обнаружить по старославянскому языку и южнославянским аналогам: *хоронить* — *хранить*, *порох* — *прах* «пыль», *смородина* — *смад*, *солод* — *сладкий*, *горожанин* — *гражданин*.

Когда ослабевает или полностью утрачивается связь с этимологией, можно говорить о дезимологизации, как составной части **десемантизации** слова:

– *цепенеть* — не осознаётся связь с цепом, орудием молотыбы (ср.: *камень* – *каменеть*);

– *горький* — от *гореть*;

– *присяга* — утрачивается середина словообразовательной цепочки: *сяз* «касаться предмета в знак клятвы».

Прагматический компонент. И денотат, и сигнификат, хотя и по-разному, отражают в составе лексического слова именуемый данным словом объект реального и воображаемого мира. И в этом плане они противостоят прагматическому слою значения слова, который содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения, а также специфическую для данной лексемы информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществить с её помощью (в её прагматических функциях) [10, с. 91]. Прагматика слова очень ярко иллюстрирует десемантизацию его значения особенно в диахроническом плане.

Спасибо (<*спаси Бог*) — слово, можно сказать, полностью утратило свое значение, превратившись в этикетную формулу, но прагматика слова от этого только ярче расцвела.

Merci — французский аналог, употребляющийся во многих языках, значил «продал», ср.: лат. *mercere* «продавать, платить», *mercator* «торговец», фр. *commerce* «торговля». Объясняется это тем, что покупатель и продавец после согласо-

вания сделки пожимали друг другу руки, и продавец говорил *merci* «я продал», а покупатель — «я оплатил», чем и заканчивался коммерческий акт. Слово ушло из торговли, но распространилось в быту [1, с. 226].

Водимая, невѣста. Монах-христианин Нестор в начальной части «Повести временных лет» осуждая языческие нравы своих предков, пишет: «А деревляни живяху звѣрьскимъ образомъ, живуще скотьскы: и убиваху другъ друга, ядуще все нечисто, и браченья в нихъ не быша, но умыкаху у воды дѣвица» [16]. Кого приводили, она и становилась *водимой*. Слово *жена* «родоначальница» в значении «супруга» к X в. еще не вытеснило языческое слово *водимая*. «Бѣ же Володимиръ побѣженъ похотью женскою. Быша ему водимья: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди» [16]. Корень слова *водимая* сохраняется в слове *вдова*.

Приводили незнакомую — *не вѣсть кого* «невесту».

В тюркских языках *kelin* «пришедшая > молодая, невеста», казах. *kelinşek* — «пришлая», семантически противопоставляется родной дочери. Типологически модель полностью совпадает с русской.

Невеста, жена в итальянском языке *sposa* (< лат. *sponsa*) «обещанная» и французском *épouse* возникли от лат. *spondeo* «обещаю», «обещаю повиноваться мужу» — из клятвы супругов при заключении брака в средневековье.

Данные примеры показывают, что сакральные слова, ритуальная терминология и термины родства, восходя к словарному ядру языка, испытали сильнейшую десемантизацию при явном сужении своего лексического значения.

«Ещё один важный тип лексической информации, который относится к прагматике слова — это **коннотации**, иногда называемые также **(семантическими) ассоциациями**» [10, с. 95]. Это несущественные, но устойчивые ассоциации слова, связанные с национально-культурными традициями, содержательные элементы, которые складываются в **стереотип**: в русской ментальности — *заяц трусливый*, *слон неуклюжий*, *немец аккуратный*, *еврей меркантильный* и т. д. Сознания (коннотации) являются факультативной составляющей значения слова, они связаны с социальной жизнью языка, культурными традициями народа, например, тот же заяц у китайцев олицетворение добра и нежности, в санскрите слон — символ легкости и грациозности, немец у французов *boche* «бош» упрямый, глуповатый.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что десемантизация является неотъемлемой частью жизни слова и она связана не только с трансформацией и утратой в традиционном понимании какой-либо семы в сигнификативном компоненте слова, но и с вариациями фонетического слова и денотата, каждый из которых способствует путём метафоризации референта, расширения синонимических рядов и омонимических гнезд зарождению новых слов и значений.

Десемантизация в качестве гиперонимического понятия включает в себя и демотивацию, когда ослабевает когнитивная связь с внутренней формой слова, и деэтимологизацию, которая наступает в результате утраты связи с этимологом.

Новые лексемы и значения слов, зародившие-

ся в результате десемантизации, являются яркими показателями долговременной социоактивной жизни слова, поэтому как ни одно другое слово демонстрируют отношение говорящего к объекту или адресату сообщения и в результате обрастают мощной прагматической компонентой и социокультурными ассоциациями. Семантические ассоциации, коннотации слова, хотя и относятся к прагматике, но являются факультативной субъективной характеристикой, внешней оболочкой лексического значения слова и выходят далеко за пределы нашей темы.

Итак, на наш взгляд, десемантизация лексического содержания слова — истоки, причины и конечные его результаты — требуют более детального изучения.

Список источников

1. Агаян Э. Б. Введение в языкознание. Ереван : Изд-во Ереванского университета, 1960. 616 с.
2. Азнабаев А. М., Псянчин В. Ш. Историческая морфология башкирского языка. Опыт сравнительно-исторического исследования. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1976. 175 с. (на баш. яз.).
3. Блинова О. И. Мотивология как наука : краткий очерк // Мотивология. Библиографический указатель / Сост. О. И. Блинова, А. С. Савенко, А. В. Шевчик. Томск : Изд-во Томского университета, 2002. С. 5–19.
4. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. II. 2-е изд., испр. М. : Учпедгиз, 1954. 174 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М. : Высш. школа, 1972. 614 с.
6. Воронин С. В. Звукоподражательная теория // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 165–166.
7. Горшкова, К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка : уч. пособие. М. : Высш. школа, 1981. 359 с.
8. Историко-этимологический словарь башкирского языка. Вып. 1 : Корнеслова с гласными инициалами / Авт.-сост. Т. М. Гарипов. Уфа : Изд-во БГПУ, 2007. 140 с.
9. Карцевский С. О. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч.2. М. : Просвещение, 1965. С. 75–93.
10. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебник. 6-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. 352 с.
11. Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 184 с.
12. Кунгушева И.А. Явление демотивации слов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 284 с. URL : <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/javlenie-demotivacii-slov-v-russkom-jazyke.html> (дата обращения 01.08.2024).
13. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образы мира и миры образов. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.
14. Маковский М. М. Большой этимологический словарь современного английского языка. М. : URSS, 2023. 528 с.; Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. М. : Азбуковник, 2004. 632 с.
15. Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка / Авт.-сост. А. Г. Шайхулов, Л. У Бикмаева, З. Р. Садыкова. Т. 1, Ч. 1. Уфа : РИО БашГУ, 2005. XXI, 512 с. ; Т.1, Ч. 2. IX, 506 с.
16. Повесть временных лет. URL : <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения 01.08.2024).
17. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике : [в 4-х т]. Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
18. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1986. 302 с.

19. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР Э. Р. Тенишев. М. : Наука, 1988. 560 с.
20. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания : учебное пособие для студентов филолог. специальностей пед. ин-тов. 2-е изд., перераб. М. : Просвещение, 1975. 271 с.
21. Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Пер. с англ. М. : Политиздат, 1989. 573 с.
22. Торопцев И. С. Лексическая мотивированность // Ученые записки Орловского педагогического института : историко-филологический факультет. Т. XXII. Орел : [Б. и.], 1964. С. 3–178.
23. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М. : Прозерпина, 1994. 400 с.
24. Щербак А. М. Очерки сравнительной грамматики тюркских языков. Имя. Л. : Наука, 1977. 191 с.
25. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 26. М. : Наука, 1999. 237 с.

References

1. Agayan EB. Vvedenie v yazykoznanie = Introduction to linguistics. Erevan : Publishing house of Erevan University, 1960. 616 p. (In Russ).
2. Aznabayev AM, Psyanchin VSh. Istoricheskaya morfologiya bashkirskogo yazyka : opyt sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniya = Historical morphology of the Bashkir language: experience of comparative historical research. Ufa : the Bashk. Publ. House, 1976. 175 p. (In Bashk.).
3. Blinova OI. Motivologiya kak nauka = Motivology as a science : a brief essay In: Motivology. Bibliographic index. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2002. Pp. 5–19. (In Russ).
4. Bulakhovsky LA. Vvedenie v yazykoznanie = Introduction to linguistics. Ch. II. 2nd ed., ispr. Moscow : Uchpedgiz, 1954. 174 p. (In Russ).
5. Vinogradov VV. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove = Russian language. Grammatical teaching about the word. 2nd ed. Moscow : Vyssh. shkola, 1972. 614 p. (In Russ).
6. Voronin SV. Sound imitation theory In: Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' = Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow : Sov. encyclopedia, 1990. Pp. 165–166. (In Russ).
7. Gorshkova, KV, Khaburgaev GA. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka = Historical grammar of the Russian language. Moscow : Vyssh. shkola, 1981. 359 p. (In Russ).
8. Istoriko-etimologicheskij slovar' bashkirskogo yazyka = Historical and etymological dictionary of the Bashkir language. Iss. 1: Korneslov with vowel initials. Ufa : BSPU, 2007. 140 p. (In Russ).
9. Kartsevsky S. Ob asimmetricheskom dualizme lingvisticheskogo znaka = On the asymmetric dualism of the linguistic sign. In: VA Zvegintsev. Istoriya yazykoznanija XIX-XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah = History of linguistics of the 19-20th cc. in essays and extracts. Ch. 2. Moscow : Prosveshchenie, 1965. Pp. 75–93. (In Russ).
10. Kobozeva IM. Lingvisticheskaya semantika : uchebnik = Linguistic semantics : textbook. 6th ed. Moscow : LENAND, 2015. 352 p. (In Russ).
11. Kornilov GE. Imitativy v chuvashskom yazyke = Imitatives in the Chuvash language] – Cheboksary : Chuvash Publ. House, 1984. 184 p. (In Russ).
12. Kungusheva IA. Yavlenie demotivacii slov v russkom yazyke = The phenomenon of demotivation of words in the Russian language. Thesis. Tomsk, 2003. 284 p. Available from: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/javlenie-demotivacii-slov-v-russkom-jazyke.html> (accessed 01.08.2024). (In Russ).
13. Makovsky MM. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskij simboliki v indoevropskijh yazykah. Obrazy mira i miry obrazov = Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages. Images of the world and the world of images. Moscow : Humanit. ed. center VLADOS, 1996. 416 p. (In Russ).
14. Makovsky MM. Bol'shoj etimologicheskij slovar' sovremennogo anglijskogo yazyka = The Large Etymological Dictionary of Modern English. Moscow : URSS, 2023. 528 p.; Makovsky MM. Etimologicheskij slovar' sovremennogo nemeckogo yazyka = Etymological Dictionary of Modern German. Moscow : Azbukovnik, 2004. 632 p. (In Russ).
15. Materialy k ideograficheskomu slovarju dialektov tatarskogo yazyka = Materials to the ideographic dictionary of dialects of the Tatar language. Vol. 1, Ch. 1. Ufa : BashSU, 2005. XXI, 512 p. ; Vol.1 , P. 2. IX. 506 p. (In Russ).
16. Povest' vremennyh let = The story of temporary years. Available from: <https://en.wikisource.org/wiki> (accessed 01.08.2024).

17. Potebnya AA. Iz zapisok po russkoj grammatike = From notes on Russian grammar : [In 4 volumes] T. I–II. Moscow : Uchpedgiz, 1958. 536 p. (In Russ).
18. Serebrennikov BA, Gadzhieva NZ. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov = Comparative-historical grammar of Turkic languages. 2nd ed., ispr. and add. Moscow : Nauka, 1986. 302 p. (In Russ).
19. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Morfologiya = Comparative-historical grammar of Turkic languages. Morphology. Ans. ed. Corresponding Member. Academy of Sciences of the USSR ER Tenishev. Moscow : Nauka, 1988. 560 p. (In Russ).
20. Stepanov YuS. Osnovy obshchego yazykoznanija: uchebnoe posobie dlya studentov filolog. special'nostej = Fundamentals of general linguistics: a textbook for students of philology. specialties ped. in-tov. 2nd ed., rev. Moscow : Prosveshchenie, 1975. 271 p. (In Russ).
21. Tylor EB. Pervobytnaya kul'tura = Primitive culture. Per. with English. Moscow : Politizdat, 1989. 573 p. (In Russ).
22. Toroptsev IS. Leksicheskaya motivirovannost' = Lexical motivation In: Proceedings of Oryol Pedagogical Institute : Faculty of History and Philology. Vol. XXII. Orel, 1964. pp. 3–178. (In Russ).
23. Shansky NM, Bobrova TA. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka = Etymological dictionary of the Russian language. Moscow : Proserpina, 1994. 400 p. (In Russ).
24. Shcherbak AM. Oчерки sravnitel'noj grammatiki tyurkskih yazykov. Imya. = Essays on comparative grammar of the Turkic languages. Name. Leningrad : Nauka, 1977. 191 p. (In Russ).
25. Etimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov. Praslavyanskij leksicheskij fond. = Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund. Iss. 26. Moscow : Nauka, 1999. 237 p. (In Russ).

Информация об авторе

Г. К. Валеев — кандидат филологических наук, профессор кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

Information about the autor

Gadel K. Valeev — Candidate of Philological Sciences, Professor at the Department of Philology of the Kostanay Branch of Chelyabinsk State University.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 24.09.2024.

The article was submitted 11.09.2023; approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 24.09.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.